

Первая победа

Немногочисленные регулярные турецкие войска и отряды, состоящие из большого количества турецких и курдских башибузуков, в начале мая (по старому стилю), объединившись, передвигаясь со стороны Карса в Члдри, переходят члдрийские горы и входят в Джавахк. Часть из них 7-го мая (20-го) 1918 года штурмует Карцах и Сулдаи, выдвигаясь в сторону Ахалкалака, а другая часть 8-го (21-го) – через деревню Большой Ханчали (Мец Ханчали) – в Сатху.

Конный патруль Сатхи немедленно уведомляет об этом военных и Национальный совет деревни, который незамедлительно отдает распоряжение главнокомандующему вооруженных сил Г. Ханояну пойти наперерез врагу и не позволить ему войти в Б. Ханчали. Конный отряд под командованием Г. Ханояна и М. Мшецяна устремляется в Б. Ханчали. За всадниками неотступно следует арьергард под предводительством Гарегина Сукиасяна. Навстречу врагу бросаются также находящиеся в запасе, которые поднялись, вняв брошенному Национальным советом кличу об опасности, взяв с собой имеющееся у них в домах оружие; некоторые из них вооружаются вилами. В этот же день Национальный совет Сатхи сумел поднять и некоторую часть боеспособных молодых людей соседних Большого и Малого Арагялов, Ороджалари и Ходжабека. Во главе ополченцев встал член Национального совета Закар Какосян, о котором современники отзывались с глубоким почтением, как о патриоте, волевой и отважной личности. Он был очень требователен ко всем, а в первую очередь к себе и своим сыновьям... Несмотря на то, что его сыновья были еще несовершеннолетними, он требовал, чтобы они находились на самых опасных участках. Он обращается к сыновьям с такой речью: “Нужно сражаться самоотверженно, что необходимо для спасения нашего народа, в противном же случае я вам покажу, где раки зимуют...”

Всадники из Сатхи вошли в Б. Ханчали раньше, чем его заняли враги. Жители Большого и Малого Ханчали, заняв позиции, ждали приближения врага... Турки, увидев доблестное наступление армянских солдат, остановились на холме южнее деревни и приготовились отразить атаку сатхинцев. Они, удобно расположив пулемет германского типа, направили пулеметный и ружейный огонь

в сторону наших всадников. Последние, спешившись, ползком продвигались в сторону врага... Все яростнее становится огонь врага и пригвождает наших храбрецов к земле. Во избежание лишних жертв главнокомандующий Г. Ханоян, вызвав к себе командира кавалеристов М. Мшецяна, советуется с ним и решает послать двух своих храбрецов уничтожить огневую точку врага. Мамикон Пахлеваниян и Галуст Броян, узнав об этом, выражают желание отправиться на задание. Военный дух солдат был чрезвычайно высок. Многие хотели выполнить это важное и трудное задание, однако командиры выбрали двоих вышеназванных, обладающих большим опытом ведения боевых действий. Мамикон и Галуст ползком пробирались к вражескому пулемету, а остальные солдаты поливали врага ружейным огнем и отвлекали его внимание от двух храбрецов, пробиравшихся по камням и оврагам. Когда они уже достаточно приблизились к пулеметчику, Мамикон встал во весь рост и метнул гранату прямо в пулемет. Граната не достигла цели, а Мамикон упал на землю, раненный вражеской пулей. Галуст ползком приблизился к другу, оттащил его в более безопасное место и перевязал, после чего опять же ползком стал продвигаться к вражескому пулемету, метнул гранату и убил пулеметчика. Вражеский пулемет замолчал. Галуст был также ранен.

Кавалеристы поднялись и с криком “ура” бросились вперед. Подоспел и арьергард, а вдалеке виднелось приближающееся ополчение.

Турки, которые, вероятно, не ожидали от армян такой яростной и мощной атаки, в ужасе обратились в бегство. Вскочившие в седла кавалеристы преследовали врага и гнали его за пределы уезда (гавара).

В этом сражении турки понесли следующие потери: троих убитых, множество раненых и одного пленного, а сатхинцы – только двоих раненых.

После изгнания врага по решению Национального совета Сатхи жителей Б. Ханчали (кстати, жители Малого Ханчали тоже переехали туда) переселяют для их же безопасности подальше от линии фронта – в место, находящееся поблизости от сатхинского кладбища.

Эта первая и блестящая победа еще более укрепила боевой и моральный дух солдат, не ослабляя их бдительности. Сатхинцы хорошо понимали, что они

имеют дело с грозным и коварным врагом. Часть вооруженных сил Сатхи вернулась в лагерь близ Орловки, а другая часть осталась охранять четырехкилометровый отрезок пути от Большого Ханчали до деревни Дилиф. Малочисленному войску Сатхи выпало оборонять огромную линию фронта (10 - 12 км).

Новая победа

Как излагалось выше, когда 7-го (20-го) мая близ Карцаха турки из-за неосмотрительности армянских войск застали их врасплох и вынудили отступить, многие солдаты и группы солдат, считая все законченным на Карцахском фронте (хотя пока все было не так), оставляют полк и возвращаются в деревни, чтобы помочь своим семьям. С разрешения полковника Аракелова, из Ахалкалака также вышла рота под командованием бывшего офицера царской армии, сатхинца Степана Мушеговича Копаяна, состоящая из добровольцев окрестных деревень Сатхи (Сатха, Ходжабек, Ороджалари, Большой Арагял, Малый Арагял, Гандза, Фока). Ядро роты составляли сатхинцы (около 40 человек). У них с собой была пушка (ее им дал Аракелов) с небольшим количеством снарядов. Командиром оружейного расчета был бывший артиллерист царской армии ходжабекец Чобанян Арутюн. Пушку установили на сатхинской крепости, откуда как на ладони было видно Гогашенское плоскогорье. 10-го (23-го) мая Национальный совет эту роту Копаяна включает в вооруженные силы Сатхи. Рота занимает позицию на отрезке фронта Б. Ханчали – Дилиф. Турки, которые одержали легкую победу в Карцахе, близ Б. Ханчали потерпели поражение и были отброшены назад, вследствие чего на отрезке Карцаха не осмелились преследовать отступающий армянский полк, даже тогда, когда армяне юго-западной части уезда со своим вооружением бежали на правый берег Тапаравана, и так до границы уезда Гори...

Турки не могли примириться с такой неудачей, в то время как хозяевами положения на фронте были именно они. Как отмечалось выше, 16-го (3-го), заняв Александрополь, 18-го (5-го) мая, из Александрополя ими были посланы войска для захвата Джавахка, выселения и истребления армян, для того, чтобы идти на Тифлис через населенный турками Борчалу.

Турецкая регулярная военная часть пополнилась с нетерпением ожидающими их турками Ахбабы (ныне район Амасии) и направилась с юга на сражающуюся Сатху.

Весть о продвижении турок на Джавахк незамедлительно донесли Национальному совету деревни сатхинские разведчики Онник Пчарян и Испирян. Национальный совет деревни уведомил об этом Национальный совет Ахалкалака и Аракелова. Вооруженные силы Сатхи, пребывающие в приподнятом состоянии после первой блестящей победы, были приведены к боевой готовности. Рота Копаляна была снята с позиции близ Б. Ханчали и передислоцирована на левый фланг отрезка Орловки. К сатхинцам подоспела помощь – отряд из 50 человек, отступающий из Александрополя в Сатху. Было поднято также ополчение деревенской общественности Сатхи...

Сатхинское войско пополнилось также сатхинскими солдатами, покинувшими Александрополь (Нунян Акенд, Язбарян Кургин, Испирян Арзуман, Борборян Каро, Гамбарян Артавазд и мн. др.)...

13-го (26-го) мая многочисленный враг оказался у плоскогорья Бугдашена (русская деревня Гореловка), у деревень Орловка и Б. Ханчали...

Был дан сигнал тревоги, и защитники Сатхи немедленно приготовились к бою, ожидая приближения врага.

Вооруженным силам пришли на помощь ополченцы Сатхи и окрестных деревень, которые заняли позицию рядом с сатхинским войском. На сей раз враг, проявляя осторожность, потребовал сложить оружие, прекратить сопротивление, обещая сохранить им жизнь. Однако нам известен настрой и Национального совета Сатхи, и защитников города, которые благоразумно не согласились ни на какие условия. Турки атаковали на отрезке Орловки. Защитники Сатхи позволили им приблизиться, и, когда уже можно было бить точно в цель, прозвучала команда: огонь! Прогремел первый залп, затем – второй, третий, и враг отступил с потерями. Перестроившись, турки предприняли вторую атаку. Воины Сатхи, отразив и эту атаку, покинув свои позиции, перешли к контратаке. Враг, не успев опомниться, бежал с поля боя, оставляя там убитых и раненых. Кавалерия, преследуя врага, погнала его к Ахбабе. Несколько турецких аскеров были взяты в

плен. В Сатхе Национальный совет их допросил и затем заключил в тюрьму.

В тот же день (13-го мая) на отрезке фронта Б. Ханчали враг, несмотря на численное превосходство, не осмелился напасть. Здесь до 18-го мая продолжались позиционные бои и перестрелки.

Это второе тяжелое поражение чрезмерно обеспокоило командование турецкой армии; как свидетельствуют турецкие военнопленные, по мнению турецкого командования у Сатхи имелись какие-то регулярные войска извне или же там оказался Андраник со своим грозным отрядом. Для таких предположений были некоторые основания. Как писал маршал Советского Союза Ов. Баграмян в своей книге “Мои воспоминания” (Ереван, 1979 г., стр.76 и 86), генерал Андраник со своей воинской частью был в это время в районе перевала Карахач, который располагался в 30-35 км от Сатхи. Однако понятно, что Андраник не принимал никакого участия в этой борьбе сатхинцев.

За упорство и мужество защитников Сатхи, по свидетельству пленных, турки называли деревню Гай-таш (скала).

И все-таки не сдались...

Вторая победа над регулярными войсками турецкой армии еще больше воодушевила и вдохновила защитников Сатхи; несмотря на то, что ощущался недостаток боеприпасов, боевой дух войска и народа был высок.

Турецкие войска в эти дни потерпели тяжелое поражение как в Сардарапате, так и в Баш-Апаране.

Сатха стала какой-то загадкой для турецкого командования.

Турки никогда не простили бы себе этих поражений, они всячески старались захватить Ахалкалак, как вдруг на их встала “Скала”- Сатха...

Генерал фон Лосов был очень обеспокоен этими захватническими действиями турок и 23-го (10) мая 1918 года с тревогой из Константинополя телеграфирует в Берлин: “... город Александрополь оккупировали они... Турецкие войска находятся на фронте южнее Ахалкалака и продвигаются в направлении Тифлиса и Еревана...” (“Мшак”, 1920г., № 28).

Турки, получив пополнение, 17-го (30-го) мая начали новое наступление на

вооруженные силы Сатхи на плоскогорье Бугдашена (Гореловки)...

На Карцах и Сулдаи турки бросили отряды, состоящие в основном из башибузуков, а многочисленное регулярное войско, как следует из вышеизложенного, продвигалось из Александрополя в Джавахк.

Сатхинцев ждал неравный бой, так как враг превосходил их в несколько раз: и по численности войска, и по вооружению, и по опыту ведения войны. У врага было 4 пушки, много пулеметов, а у сатхинцев (всего 500 сражающихся, к тому же большинство из них – неопытные ополченцы) была всего одна пушка с небольшим количеством снарядов и всего один пулемет с недостаточным количеством пуль, которые, отступая из Ахалкалака, доставили солдаты роты А. Копаляна. Вообще ощущался огромный недостаток в боеприпасах.

В полдень 17-го (30-го) мая турецкий авангард в сопровождении башибузуков приблизился к Бугдашену (Гореловке). После небольшой передышки они перешли в наступление на левый фланг войска сатхинцев. Огневой заслон сатхинцев расшатал вражеские ряды. Враг отступил с потерями. В ожидании прибытия основных сил, турки готовились наступать со свежими силами.

Отборная часть сатхинского войска, как это отмечалось выше, находилась именно здесь – на левом фланге. Здесь были также главнокомандующий и начальник штаба. Г. Ханоян требует, чтобы С. Копалян – командир правого фланга – оставил Дилиф и укрепился в Б. Ханчали с целью сокращения линии фронта (5-6 км), а также направить новые силы на левый фланг. На правом фланге враг пока еще не осмеливался атаковать. Предыдущие поражения послужили туркам хорошим уроком... Левый фланг, получив подкрепление, уже вечером отразил и вторую яростную атаку врага. Непрерывный дождь, снег (для Джавахка это обычное явление весной, а иногда там даже летом идет снег), непроницаемая тьма, упорное сопротивление армян – все это вынудило турок отложить атаку на следующее утро...

Национальный совет решает, воспользовавшись темнотой, оттянуть войско и занять новые позиции в окрестностях деревни для того, чтобы сократить линию фронта и сосредоточить силы.

Промокшие до костей, замерзшие и уставшие, воины начинают скрытую

передислокацию, отступив от левого крыла деревни Орловки приблизительно на 4 км и располагаются у русской деревни Каракала (Спасовка), в местности именуемой «каракалу ямджнер» («каракалинские склоны»), в скалах на правом берегу реки, на участках поля под названием «Саткацнер» («Околевшие»), «Хотадрми» («Пастбище»), где еще месяц тому назад были подготовлены позиции. Правый фланг, который вечером отступил из Дилифа, отступил также и из Б. Ханчали на 7-8 км к Ороджалари и укрепился там – с южной стороны участков поля деревни – в «Шарахум» и «Давали». Таким образом, линия фронта, проходя по юго-западному краю Сатхи, растянулась на 5-6 км от Спасовки до Ороджалари. После дислокации войска командование разрешило солдатам по очереди, по отделениям ходить в деревню сушить и менять одежду. Все это проделывалось с большой осторожностью и весьма дисциплинировано.

Из-за снега, дождя и стужи смертельно усталые, мокрые, раненые армянские воины не смыкали глаз, чтобы хоть чуть-чуть отдохнуть. Состояние же турок было совершенно иным. Они, имея огромное преимущество перед силами Сатхи, безбоязненно отдыхали в захваченных деревнях. Для пополнения недостатка в оружии и боеприпасах Национальный совет посылает в Ахалкалак отряд Атура Тер-Степаняна, а также Тер-Хорена и Зорабабела Нуняна. Для этой сложной и опасной операции была весьма удобна дождливая и темная ночь, под покровом которой делегация Сатхи благополучно прибывает в Ахалкалак. Они находят Аракелова, описывают ему тяжелое положение и просят помощи. Аракелов снабжает их оружием и боеприпасами, а также советует им бежать... Больше ничем он не мог помочь. Делегация на обратном пути сражается с напавшими турками, погибает Атур. Отделению удается доставить до места оружие и боеприпасы. Когда Тер-Хорен (Тер-Степанян) и Зорабабел Нунян сообщили Национальному совету, что весь уезд бежит, а Аракелов предлагает и Сатхе бежать, начинается сумятица... Национальный совет по требованию Тер-Самвела (Тер-Григоряна), Закара Какосяна, Саркиса Ханояна и их сторонников решает ни в коем случае не бежать, даже женщинам, старикам и детям, остаться всей деревней и сражаться до последнего... Национальный совет решает Тер-Хорена и З. Нуняна строго наказать за то, что они посеяли панику среди

сражающихся. Собравшийся вокруг канцелярии народ забрасывает их камнями, и они кое-как с помощью родных бегут в Цалку.

Утром 18-го (31-го) мая продолжал валить снег. Невыспавшиеся, уставшие, промокшие до костей и замерзшие защитники Сатхи молча ожидали очередного наступления турок. Когда враги увидели опустевшие позиции противника, то решили, что защитники бежали. Однако, разведав обстановку, они выясняют новую расстановку сил сатхинцев и рано утром, в 4 часа, начинают атаку. Они прибегают к своей традиционной хитрости: гонят перед собой целое стадо крупного рогатого скота, принадлежащее русским деревням... Защитники застигнуты врасплох, однако не поддаются панике. Из этого безвыходного положения их могла вывести только артиллерия. Начинает действовать единственная в Сатхе пушка. Артиллеристы под руководством Г. Чобаняна ведут огонь с развалин крепости по ползущим по Каракалинскому (Спасовка) плоскогорью в сторону сатхинских позиций врагам. Снаряды попадают точно в цель. Скот мечется и разбегается, а турки в свою очередь несут ощутимые потери. Солдат атакующего врага косят и дружные ружейные залпы защитников. Несколько часов подряд на левом фланге фронта ведутся яростные бои. Самоотверженные действия сатхинцев, удобная позиция, занятая ими на правом берегу разлившейся реки, а также точно бьющая в цель единственная пушка весьма затрудняли продвижение многочисленного турецкого войска. По приказу Г. Ханояна С. Копалян, оставив на правом фланге только ополченцев, которые героически продолжали сдерживать врага на его позициях, со своей ротой подоспел на помощь отважным защитникам левого фланга.

В полдень враг, поняв, что силы сатхинцев недостаточны, решает в обход левого крыла выйти в тыл защитников. Грохочет вражеская артиллерия, под прикрытием которой целая рота турецких солдат бегом переходит мост, расположенный на юге Спасовки, недалеко от не взорванный защитниками Сатхи, и с юго-восточной стороны крепости "Кара-Кала" продвигаются в направлении нашего тыла. Наши вынужденно растягивают линию защиты ценой разрежения фронта. Пушка в Сатхе уже молчит, т.к. закончились снаряды, ощущается большой недостаток в пулях. Враг ползком двигается вперед,

игнорируя многочисленные потери.

Наконец наступил тот кульминационный момент, когда ясно ощутилось преимущество врага...

Национальный совет во главе с председателем Карапетом Царукяном вынужден был согласиться на то, чтобы силы левого фланга организованно отступили (над ними висела угроза окружения). Национальный совет решил также население деревни – женщин, стариков и детей в организованном порядке вывести в Цалку, пока еще турки не успели занять деревню.

Для того, чтобы выиграть время, нужно было любой ценой задержать врага. И защитники делали невозможное, проявляли бесстрашие и невиданную храбрость. Для того, чтобы обеспечить отступление войска, главнокомандующий оставил в арьергарде один из взводов.

Смельчаки самоотверженно удерживали врага до тех пор, пока основные силы заняли новые позиции в окрестности деревни. Большая часть из них погибла, некоторые же, тяжелораненые, были взяты в плен. Лишь немногим удалось добраться до отступающих. Пали смертью храбрых Мкртыч Ханоян (брат Г. Ханояна), Бапел Торосян, курд - езид Костан, несовершеннолетние сыновья члена Национального совета Закара Какосяна Петрос и Овак, которые в местности «Чермакхогноц» («Белое покрывало») сопротивлялись врагу до последнего патрона, и были обезглавлены, и многие другие храбрецы. В числе раненых, попавших в плен, находились также Степан (Таштамир) Саносян и другие.

Новая линия фронта, протянувшаяся на 3 км по краю деревни от холма с названием «Оцот тэпэ» («Змеиный холм»), достигала луга, именуемого «Атанер», («Праотцы»). Защитникам удается удержать врага еще 1-2 часа, благодаря чему большинству жителей деревни удается бежать по направлению к Б. Арагялу. Враг входит в деревню, на улицах ведутся ожесточенные бои, во время которых начальник штаба Амаяк Пахлеванян был ранен в ногу и взят в плен вместе с женой. Врач Арутюн Манвелян усадил последних раненых на конные подводы, когда турки уже приближались. Он взял ружье, приказал подводам отъезжать, а сам занял позицию за изгородью. Он вместе с двумя

стариками сражался до тех пор, пока подводы не покинули деревню. Смертью героя погибает врач Манвелян – человек с большой буквы.

Когда подводы с ранеными покинули пределы деревни, раненный в голову Степан Копалян заметил, что большая группа турок, прорвав ряды наших войск, с южной стороны крепости приближаются к кладбищу с целью окружить отступающих. Несмотря на тяжелое ранение, Степан берет ружье и спускается вниз. Вместе с ним за кладбищенскими надгробьями занимают позицию его отец Мушег и двоюродные братья Егия и Хосров Езеки Копаляны. Вместе с ними были также мать и жена Степана с грудным ребенком на руках. Несмотря на уговоры Степана покинуть их и присоединиться к отступающим, они остались непоколебимы.

Четверо Копалянов прицельным огнем начинают косить турецких солдат, которые, спускаясь с холма, становились для них прекрасной мишенью. Этот неравный бой длится довольно долго. Убиты десятки аскеров. Погибают также Егия, Мушег, Хосров. Степан ранен в левую руку, но продолжает стрелять до последнего патрона, после чего выхватывает саблю и закалывает еще нескольких турецких солдат, которые уже вплотную подошли к нему, а затем погибает смертью героя. Мать и жена Степана взяты в плен, а сын убит на руках у матери... По свидетельству взятых в плен очевидцев, на склоне холма и вдоль кладбища было столько убитых Копалянами турецких солдат, что даже “пройти было невозможно”.

Копаляны ценой своей жизни дали возможность центру вооруженных сил Сатхи выйти из деревни, избавиться от опасности окружения и, защищая народ, отступить к Арагялу. Наши отважные защитники отбрасывают врага из окрестностей Б. Арагяла на время, пока женщины, дети и старики переходят на правый берег реки по узенькому мосту между Большим и Малым Арагялами. Последними переходят защитники и взрывают за собой мост. Без моста разлившуюся и разъяренную реку Тапараван (Парвана) перейти невозможно. Наши занимают позицию на краю ущелья у озера, тянущегося от М. Арагяла до Думона (Сагамо) и предотвращают попытки турок перейти реку. Враг, выяснив, что у озера есть мост, перебрасывает туда свои силы. В свою очередь и наши

продвигаются к мосту. Однако не успевают разрушить мост, и туркам удается перейти реку и войти в разрушенную, безлюдную деревню Тумон. Турки не смогли подняться с территории деревни на верхнее плоскогорье, так как напоминающее треугольник плато, называемое «Вра», с обеих сторон было ограничено крутыми склонами, и оставляло впечатление естественной крепости. Здесь на помощь нашим защитникам подоспели вооруженные отряды гандзинцев, которые заняли позицию на южном склоне холма «Святой Ованес» («Сурб Ованес»). Турки вынужденно отступают из Тумана. Часть из них двигается в сторону деревни Сагамо, магометанское население которой защитили от ахалкалакских националистов сатхинцы и гандзинцы, не позволившие даже волосу упасть с их головы.

Было уже темно. Турки, посчитав свое черное дело сделанным, не пошли дальше Сагамо. Однако в районе Тиккаринского перевала кишели отряды вооруженных турецких башибузуков уезда Борчалу. Беженцы из Сатхи так же, как и беженцы из других сатхинских деревень, которые с помощью и под контролем своих защитников отражали нападение турок Борчалу, медленно продвигались к Тиккаринскому перевалу, спускались в гостеприимные армянские села Цалки и находили пристанище в селах Нардеван, Гушчи, Аязма, Ашгала, Гзлкилиса (Кармираванк) и других.

Турецкие войска, заняв Сатху, обыскивали, грабили и брали в плен оставшихся в деревне стариков и старух, которые не смогли или не успели покинуть деревню, а некоторые просто не пожелали стать родным в тягость. В плен берут и раненых, всего 800 человек. Пополнив это число пятьюстами пленными из соседних армянских деревень, загоняют их в церковь. Пленных из Сатхи собирают и ночью загоняют в хлев Сукиасяна Гевени и запирают их там³¹¹...

311 См. «Горизонт», 1918 г., № 141

Турецкие аскеры врываются в хлев. Один из них бросается к Анне, которая была женой начальника сатхинского военного штаба и вместе с раненым мужем была взята в плен. Ее муж – Амаяк Пахлеванян лежал в яслях и из-за ранения не мог двигаться. Когда турок начинает тащить за руку красавицу, родственник Анны Таштамир (Степан) Саносян, который был также ранен, вскакивает с места и дает ему такую пощечину своей могучей правой рукой, что турок в бессознательном состоянии растягивается на вымощенном полу хлева... Аскеры, пораженные дерзостью пленного, вначале даже не знают, что им делать, но потом, придя в себя, бросаются к Таштамиру. Командир удерживает их и обращается к пришедшему в сознание аскеру: “Не убивай гяура, а то...” И приказывает аскерам выйти от пленных. В это время старуха – мать Таштамира, едва сдерживая слезы, подходит к офицеру, берет и целует его руку, затем снимает со лба золотое украшение и кладет ему в карман. Пленные поражены: некоторые из них предполагают, что офицер хороший и добрый человек, другие считают, что его этот шаг продиктован уважением, которое невольно испытывает мужественный человек к другому мужественному рыцарю, несколько человек думают, что, возможно, у офицера были личные счеты с солдатом и т.д...

Пленники проводят очень тяжелую и тревожную ночь. Утром их выводят на гумно, ставят на колени, объявив, что всех расстреляют... В это время прискакавший курьер передает приказ не убивать пленных, а гнать их в Ахалкалак. После того, как их там держат несколько дней, им “великодушно” разрешают идти в Цалку.

Всесокрушающее бедствие

Пала Сатха, которая фактически после 21-го (8-го) мая была единственной реальной силой, удерживающей турок и не позволяющей им продвигаться в глубь уезда...

Жители Сатхи, Ходжабека, Ораджалари, Большого Арагяла, Малого Арагяла, Большого Ханчали, Малого Ханчали убежали под огнем врага и не смогли взять с собой ничего. Собственностью врага стали сотни тысяч пудовые запасы зерна и десятки тысяч голов скота...

Турецкое войско свободно продвигалось к Ахалкалаку, где, как и на левом берегу реки Тапараван, не осталось ни одного ни армянина, ни грузина. Смельчаки из сел Гумбурдо, Дилиска, Вачиан, которые после того как бежали со своих мест 7-го (20-го) – 8-го (21-го) мая и через 4-5 дней вернулись в свои села, 18-го (31-го) мая опять бежали и успели перейти на правый берег реки.

С остатками армянского полка на правом берегу реки Тапараван, на склонах холмов в окрестностях деревень Маджатиа и Куликам, расположились также вооруженные силы сел Гумбурдо, Дилиска, Вачиан, Маджатиа, Карцах и других.

По приказу Аракеляна полковые склады в Ахалкалаке были сожжены, чтобы они не достались врагу.

Турки, не встретившие сопротивления и вошедшие в Ахалкалак, в ночь с 19-го мая (по новому стилю 1-го июня), перейдя на правый берег реки, начали наступление, пользуясь темнотой... Они украдкой подобрались к позициям армян. Шедшие впереди них жители турецких деревень (Окам и др.), хорошо знавшие армянский язык, кричали: “Армяне, не стреляйте. Мы – армяне, бежим от турок...” Подойдя таким образом к позициям гумбординцев, они окружили отряд из 72 человек. Гумбординцы сражаются как львы, нанося большой урон врагу, и, воспользовавшись темнотой, прорывают окружение и отступают, оставив на поле боя 14 убитых.³¹²

Армянские бойцы отступают, сражаясь с превосходящими силами противника. В полдень 19-го мая они достигли села Арагова и заняли позиции на подступах к селу. Здесь наши отразили несколько атак противника. Особенно выделились подразделения поручика Геворга Гуланяна и капитана Резникова. Наши удерживали врага до тех пор, пока последние группы беженцев не скрылись в сторону Бакуриани и Цалки.

312 Эта цифра по свидетельству некоторых современников из Гумбардо должна была достигать 40, однако большинство, в том числе и многоуважаемый г. Зармайр Саркисович Ханоян (племянник З. Ханояна – командира защиты), считают точным число 14.

20-го мая (2-го июня) из уезда вышли также наши войска, и весь уезд с имуществом армян – миллионами пудов зерна, десятками тысяч голов скота и мн. др. перешел Турции.

Как писали тогда газеты, после 2-го июня (20-го мая) неизвестно каким было положение, царящее в юго-восточной части уезда... Предполагали, что там все еще продолжались бои.³¹³

В действительности же жители Сатхи и соседних деревень продолжали продвигаться с боями по цалкинской дороге, т.к. район Тиккарийского перевала кишел отрядами турецких всадников уезда Борчалу, которые часто нападали на беженцев и предпринимали попытки угнать их скот...

4-го июня (22 мая) 1918 года был заключен пресловутый Батумский договор “О мире и дружбе”, согласно которому Ахалцихский и Ахалкалакский уезды также отошли Турции.

Захватив Ахалкалакский уезд, турки истребили почти всех оставшихся там армян за исключением армян-католиков...

Жители сел Хорения и Такча решили не покидать своих насиженных мест. Несколько сот людей из южных районов, нашедшие здесь приют, также остались...

В Хорении всех жителей села числом 600 и 400 человек из других сел - всего 1000 женщин и детей (мужчин зарубили) собрали в двух сеновалах и разрушили их пушечными выстрелами, уничтожив всех под развалинами.

По свидетельству очевидцев, из-под развалин сеновалов еще целую неделю были слышны стоны раненых.

Очень немногим удается избежать смерти. Около 100 красавиц – армянок местные турки забрали в свои гаремы, в числе которых была и учительница школы Большого Ханчали Сирануш Тероян.³¹⁴

313 См. “Кавказское слово”, 1918 г., №119.

314 См. “Горизонт”, 1918 г., № 127. Также “Горизонт”, 1918 г.. №129

Та же ужасная ситуация повторяется и в Такче. Приходской священник Акоб Антонян из Большой Гондуры, который со всей своей родней нашел пристанище в Такче, для спасения жителей деревни дал турецким варварам 10000 рублей. Однако турки остаются непоколебимы в своем чудовищном решении и совершают злодеяние...

Вначале обманом разоружают мужчин (это совершили турецкие войска вместе с турецким сбродом).³¹⁵

Первым убитым был священник Акоб Антонян, и потом всех (около 1000 человек) гонят в Хорению, заполняют ими саманники и уничтожают так же, как хоренийцев.³¹⁶

В последние годы в память о невинных жертвах Хорении и Такчи потомками установлены памятники на месте сеновалов, где произошло это страшное злодеяние.

Более 80 тысяч армян и 20 тысяч грузин³¹⁷, спасшихся от извергов, оставив миллионы пудов зерна, голодные и полуголые, собрались в лесах Бакуриани и в Цалке.³¹⁸

315 См. "Горизонт", 1918 г., №129

316 См. "Горизонт", 1918 г., №140

317 Кроме грузин Ахалкалакского уезда в число 20 тысяч входят также жители многочисленных деревень Ахалцихского уезда.

318 См. "Горизонт", 1918 г., №119. Также "Мшак", 1918 г., №119

Умиравшие от голода, они шли на все. Многие даже пытались пробраться в свои деревни, чтобы принести хлеба. Однако в большинстве своем эти попытки оборачивались трагедией. 21 июля возле Баралетского пастбища турки убили 11 невооруженных мужчин – гумбурдинцев, шедших в Джавахк за хлебом...³¹⁹

Голод, холод и эпидемия косили беженцев.

На положение ноября в Бакуриани ежедневно умирало 150 беженцев, а в Цалке 200-300.

20-го ноября, когда началось возвращение беженцев в Джавахк, из 80000 армян осталась половина (в таком соотношении осталось и грузин...).

Из 1700 жителей Большого Ханчали осталось в живых 550 человек, а из 3250 жителей Сатхи – всего 700. Относительно утешительным было положение гандзинцев: 2060 человек осталось в живых 1340.³²⁰ Из гандзинцев был полностью уничтожен под Гаспарянов, состоящий из 12 семей и 90 душ. Из сатхинцев целиком были уничтожены 50 семей. Всего 5 человек осталось в живых из семьи сатхинца Гула-Каро (Саносяна), состоящей из 27 человек.³²¹

319 См. “Горизонт”, 1918 г., №153

320 Относительно малое число потерь гандзинцев объяснимо тем, что они успели вовремя и организованно бежать, взяв с собой возы хлеба и скот.

321 См. “Новый Горизонт”, 1918 г., № 2